ISSN 2224-5227

2015 • 4

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ
ҰЛТТЫҚ ҒЫЛЫМ АКАДЕМИЯСЫНЫҢ

БАЯНДАМАЛАРЫ

ДОКЛАДЫ

НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

REPORTS

OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES
OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

ЖУРНАЛ 1944 ЖЫЛДАН ШЫҒА БАСТАҒАН
ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ С 1944 г.
PUBLISHED SINCE 1944

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ
ҰЛТТЫҚ ҒЫЛЫМ АКАДЕМИЯСЫНЫҢ
БАЯНДАМАЛАРЫ **2015 • 4**

Б а с р е д а к т о р
ҚР ҰҒА академигі **М.Ж. Жұрынов**

Р е д а к ц и я а л қ а с ы**:**

хим.ғ. докторы, проф., ҚР ҰҒА академигі **Әдекенов С.М.** (бас редактордың орынбасары), эк.ғ. докторы, проф., ҚР ҰҒА академигі **Әділов Ж.М.,** мед. ғ. докторы, проф., ҚР ҰҒА академигі **Арзықұлов Ж.А.,** техн. ғ.докторы, проф., ҚР ҰҒА академигі **Бишімбаев У.К.,** а.-ш.ғ.докторы, проф., ҚР ҰҒА академигі **Есполов Т.И.,** техн. ғ.докторы, проф., ҚР ҰҒА академигі **Мұтанов Г.М.,** физ.-мат.ғ. докторы, проф., ҚР ҰҒА академигі **Өтелбаев М.О.,** пед. ғ. докторы, проф., ҚР ҰҒА академигі **Пралиев С.Ж.,** геогр.ғ. докторы, проф., ҚР ҰҒА академигі **Северский И.В.**; тарих.ғ. докторы, проф., ҚР ҰҒА академигі **Сыдықов Е.Б.**, физ.-мат.ғ. докторы, проф., ҚР ҰҒА академигі **Тәкібаев Н.Ж.,** физ.-мат.ғ. докторы, проф., ҚР ҰҒА академигі **Харин С.Н.,** тарих ғ. докторы, проф.,ҚР ҰҒА корр. мүшесі **Әбүсейітова М.Х.,** экон. ғ.докторы, проф., ҰҒА корр. мүшесі **Бейсембетов И.К.**, биол. ғ. докторы, проф., ҚР ҰҒА корр. мүшесі **Жамбакин К.Ж.,** тарих ғ. докторы, проф., ҚР ҰҒА корр. мүшесі **Кәрібаев Б.Б.,** мед. ғ. докторы, проф., ҚР ҰҒА корр. мүшесі **Локшин В.Н.,** геол.-мин. ғ. докторы, проф., ҚР ҰҒА корр. мүшесі **Өмірсеріков М.Ш.,** физ.-мат. ғ. докторы, проф., ҚР ҰҒА корр. мүшесі **Рамазанов Т.С.,** физ.-мат. ғ. докторы, проф., ҚР ҰҒА корр. мүшесі **Садыбеков М.А.,** хим.ғ. докторы, проф., ҚР ҰҒА корр. мүшесі **Сатаев М.И.;** ҚР ҰҒА құрметті мүшесі, а.-ш.ғ.докторы, проф. **Омбаев А.М.**

Р е д а к ц и я к е ң е с і:

Украинаның ҰҒА академигі **Гончарук В.В**. (Украина), Украинаның ҰҒА академигі **Неклюдов И.М.** (Украина), Беларусь Республикасының ҰҒА академигі **Гордиенко А.И.** (Беларусь), Молдова Республикасының ҰҒА академигі **Дука Г.** (Молдова), Тәжікстан Республикасының ҰҒА академигі **Илолов М.И.** (Тәжікстан), Қырғыз Республикасының ҰҒА академигі **Эркебаев А.Э.** (Қырғызстан), Ресей ҒА корр.мүшесі **Величкин В.И.** (Ресей Федерациясы); хим.ғ.докторы, профессор **Марек Сикорски** (Польша), тех.ғ.докторы, профессор **Потапов В.А.** (Украина), биол.ғ. докторы, профессор **Харун Парлар** (Германия), профессор **Гао Энджун** (КХР), филос. ғ.докторы, профессор **Стефано Перни** (Ұлыбритания), ғ.докторы, профессор **Богуслава Леска** (Польша), философия ғ. докторы, профессор **Полина Прокопович** (Ұлыбритания), профессор **Вуйцик Вольдемар** (Польша), профессор **Нур Изура Удзир** (Малайзия), д.х.н., профессор **Нараев В.Н.** (Ресей Федерациясы)

ДОКЛАДЫ **2015 • 4**
НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Главный редактор
академик НАН РК **М.Ж. Журинов**

Редакционная коллегия:

доктор хим. наук, проф., академик НАН РК **С.М. Адекенов** (заместитель главного редактора), доктор экон. наук, проф., академик НАН РК **Ж.М. Адилов,** доктор мед. наук, проф., академик НАН РК **Ж.А. Арзыкулов,** доктор техн. наук, проф., академик НАН РК **В.К. Бишимбаев,** доктор сельскохоз. наук, проф., академик НАН РК **Т.И. Есполов,** доктор техн. наук, проф., академик НАН РК **Г.М. Мутанов,** доктор физ.-мат. наук, проф., академик НАН РК **М.О. Отелбаев,** доктор пед. наук, проф., академик НАН РК **С.Ж. Пралиев,** доктор геогр. наук, проф., академик НАН РК **И.В. Северский**; доктор ист. наук, проф., академик НАН РК **Е.Б. Сыдыков**, доктор физ.-мат. наук, проф., академик НАН РК **Н.Ж. Такибаев,** доктор физ.-мат. наук, проф., академик НАН РК **С.Н. Харин,** доктор ист. наук, проф., чл.-корр. НАН РК **М.Х. Абусеитова,** доктор экон. наук, проф., чл.-корр. НАН РК **И.К. Бейсембетов**, доктор биол. наук, проф., чл.-корр. НАН РК **К.Ж. Жамбакин,** доктор ист. наук, проф., чл.-корр. НАН РК **Б.Б. Карибаев,** доктор мед. наук, проф., чл.-корр. НАН РК **В.Н. Локшин,** доктор геол.-мин. наук, проф., чл.-корр. НАН РК **М.Ш. Омирсериков,** доктор физ.-мат. наук, проф., чл.-корр. НАН РК **Т.С. Рамазанов,** доктор физ.-мат. наук, проф., чл.-корр. НАН РК **М.А. Садыбеков,** доктор хим. наук, проф., чл.-корр. НАН РК **М.И. Сатаев;** почетный член НАН РК, доктор сельскохоз. наук, проф., **А.М. Омбаев**

Редакционный совет:

академик НАН Украины **Гончарук В.В**. (Украина), академик НАН Украины **И.М. Неклюдов** (Украина), академик НАН Республики Беларусь **А.И.Гордиенко** (Беларусь), академик НАН Республики Молдова **Г. Дука** (Молдова), академик НАН Республики Таджикистан **М.И. Илолов** (Таджикистан), член-корреспондент РАН **Величкин В.И.** (Россия); академик НАН Кыргызской Республики **А.Э. Эркебаев** (Кыргызстан), д.х.н., профессор **Марек Сикорски** (Польша), д.т.н., профессор **В.А. Потапов** (Украина), д.б.н., профессор **Харун Парлар** (Германия), профессор **Гао Энджун** (КНР), доктор философии, профессор **Стефано Перни** (Великобритания), доктор наук, профессор **Богуслава Леска** (Польша), доктор философии, профессор **Полина Прокопович** (Великобритания), профессор **Вуйцик Вольдемар** (Польша), профессор **Нур Изура Удзир** (Малайзия), д.х.н., профессор **В.Н. Нараев** (Россия)

«Доклады Национальной академии наук Республики Казахстан» ISSN 2224-5227
Собственник: Республиканское общественное объединение «Национальная академия наук Республики Казахстан» (г. Алматы)
Свидетельство о постановке на учет периодического печатного издания в Комитете информации и архивов Министерства культуры и информации Республики Казахстан **№5540-Ж**, выданное 01.06.2006 г.
Периодичность: 6 раз в год. Тираж: 2000 экземпляров
Адрес редакции: 050010, г.Алматы, ул.Шевченко, 28, ком.218-220, тел. 272-13-19, 272-13-18
http://nauka-nanrk.kz. reports-science.kz
Адрес типографии: ИП «Аруна», г.Алматы, ул.Муратбаева, 75

©Национальная академия наук Республики Казахстан, 2015 г.

REPORTS **2015 • 4**

OF NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

E d i t o r-i n-c h i e f

M.Zh. Zhurinov, academician of NAS RK

Editorial board:

S.M. Adekenov (deputy editor in chief), Doctor of Chemistry, prof., academician of NAS RK; **Zh.M. Adilov**, Doctor of Economics, prof., academician of NAS RK; **Zh.A. Arzykulov**, Doctor of Medicine, prof., academician of NAS RK; **V.K. Bishimbayev**, Doctor of Engineering, prof., academician of NAS RK; **T.I. Yespolov**, Doctor of Agriculture, prof., academician of NAS RK; **G.M. Mutanov**, Doctor of Physics and Mathematics, prof., academician of NAS RK; **M.O. Otelbayev**, Doctor of Physics and Mathematics, prof., academician of NAS RK**; S.Zh. Praliyev**, Doctor of Education, prof., academician of NAS RK; **I.V. Seversky**, Doctor of Geography, prof., academician of NAS RK; **Ye.B. Sydykov**, Doctor of Historical Sciences, prof., academician of NAS RK; **N.Zh. Takibayev**, Doctor of Physics and Mathematics, prof., academician of NAS RK; **S.N. Kharin**, Doctor of Physics and Mathematics, prof., academician of NAS RK; **M.Kh. Abuseitova**, Doctor of Historical Sciences, prof., corr. member of NAS RK; **I.K. Beisembetov**, Doctor of Economics, prof., corr. member of NAS RK; **K.Zh. Zhambakin**, Doctor of Biological Sciences, prof., corr. member of NAS RK, **B.B. Karibayev**, Doctor of Historical Sciences, prof., corr. member of NAS RK; **V.N. Lokshin**, Doctor of Medicine, prof., corr. member of NAS RK; **M.Sh. Omirserikov**, Doctor of Geology and Mineralogy, prof., corr. member of NAS RK; **T.S. Ramazanov**, Doctor of Physics and Mathematics, prof., corr. member of NAS RK; **M.A. Sadybekov**, Doctor of Physics and Mathematics, prof., corr. member of NAS RK; **M.I. Satayev**, Doctor of Chemistry, prof., corr. member of NAS RK; **A.M. Ombayev**, Honorary Member of NAS RK, Doctor of Agriculture, prof.

Editorial staff:

V.V. Goncharuk, NAS Ukraine academician (Ukraine); **I.M. Neklyudov**, NAS Ukraine academician (Ukraine); **A.I.Gordienko**, NAS RB academician (Belarus); **G. Duca**, NAS Moldova academician (Moldova); **M.I. Ilolov** NAS Tajikistan academician (Tajikistan); **A.E. Erkebayev**, NAS Kyrgyzstan academician (Kyrgyzstan); **V.I. Velichkin**, RAS corr.member (Russia); **Marek Sikorski**, Doctor of Chemistry, prof. (Poland); **V.A. Potapov**, Doctor of Engineering, prof. (Ukraine); **Harun Parlar**, Doctor of Biological Sciences, prof. (Germany); **Gao Endzhun**, prof. (PRC); **Stefano Perni**, Doctor of Phylosophy, prof. (UK); **Boguslava Leska**, dr, prof. (Poland); **Pauline Prokopovich**, Doctor of Phylosophy, prof. (UK); **Wójcik Waldemar**, prof. (Poland), **Nur Izura Udzir**, prof. (Malaysia), **V.N. Narayev**, Doctor of Chemistry, prof. (Russia)

Reports of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan.
ISSN 2224-5227
Owner: RPA "National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan" (Almaty)
The certificate of registration of a periodic printed publication in the Committee of Information and Archives of the Ministry of Culture and Information of the Republic of Kazakhstan N 5540-Ж, issued 01.06.2006
Periodicity: 6 times a year
Circulation: 2000 copies
Editorial address: 28, Shevchenko str., of.219-220, Almaty, 050010, tel. 272-13-19, 272-13-18,
http://nauka-nanrk.kz / reports-science.kz
Address of printing house: ST "Aruna", 75, Muratbayev str, Almaty

© National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, 2015

REPORTS OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN
ISSN 2224-5227
Volume 4, Number 302 (2015), 173 – 184

UDC 930.271, 94(517)

TO THE QUESTION ABOUT GENESIS OF TERM «MONGOL»

E.B. Sydykov[1], E.A. Kurmanbayev[2]

[1] L. Gumilyov Eurasian National University, Astana
[2] Kazakh Humanitarian Juridical Innovative University, Semey
rector@enu.kz.

Key words: mang, Manchuria, mongol, politonym, Chingizkhan, Mongolian empire, turk language.

Abstract. The Modern tradition of the Mongols studies prefers the version of existence of the "Mongol" tribe in the pre- Genghis period in the north-western regions of Manchuria. However, assertions of a hypothetical transition in X-XII centuries from Manchuria territory of “men” tribes of shiwei people to the region of future Genghis Khan’s states, which further became the Mongol Empire, are not supported by documents. Moreover, in the Chinese chronicles men-shiwei tribes were never associated with the “Mongol” lexical item which appeared during the formation of Genghis Khan’s state in the early XIII century. This article discusses the version that denies existence of the ancient ethnic group "Mongol" and associates the term "Mongol" with a politonym that means belonging to Genghis Khan’s empire. Accordingly, the Mongols of Genghis Khan are not an ethnic group, but a warrior host, and the "Mongol" etymology is revealed in a modus of the imperial spirit of Genghis Khan’s empire, meaning the troops of thousands.

УДК 930.271, 94(517)

К ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ ТЕРМИНА «МОНГОЛ»

Е.Б. Сыдыков[1], Е.А. Курманбаев[2]

[1] Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, г. Астана
[2] Казахский гуманитарно-юридический инновационный университет, г. Семей

Ключевые слова: мэн, Маньчжурия, монгол, политоним, Чингисхан, Монгольская империя, тюркоязычие.

Аннотация. Современная традиция монголоведения отдает предпочтение версии существования племени «монгол» в дочингисовский период в северо-западных районах Маньчжурии. Однако утверждения о гипотетическом переходе в X-XII вв. с территории Маньчжурии на территорию формирования государства Чингисхана племен «мэн» из народа шивэй, которые и стали монголами империи, не имеют документальных подтверждений. Более того, племена мэн-шивэй никогда не соотносились в китайских хрониках с лексемой «монгол», которая появилась только в период формирования государства Чингисхана в начале XIII в. В настоящей статье рассматривается версия, отрицающая существование в древности этноса «монгол» и связывающая термин «монгол» с политонимом, означавшим принадлежность к империи Чингисхана. Соответственно, монголы Чингисхана – не этнос, а воинство, а этимология слова «монгол» раскрывается в модусе имперского духа государства Чингисхана, означая многотысячное войско.

Вопрос о генезисе этнонима «монгол» непрост, хотя, казалось бы, в российской традиции монголоведения существует устоявшийся ответ, который широко распространился в научном мире и мало подвергается сомнению в силу ряда причин как научного, так и идеологического характера. Ответ этот сводится к тому, что монголы пришли в верховья Онона и Керулена (откуда берет начало Монгольская империя Чингисхана) из северо-западных районов Маньчжурии. Это «табия».

Российский востоковед Е.И. Кычанов пишет: «Монголы под именем «мэнъу», «мэнва» упоминаются в старой и новой историях династии Тан среди шивэй» [1, с. 202]. Сразу возникает вопрос: если среди древних тунгусских племен шивэй (VI-XII вв.), которые жили севернее киданей и чжурчжэней, были народы под именем мэнъу и мэнва, то почему их называют монголами, а не мэнъу и мэнва, что было бы логичнее и честнее? Когда они вообще стали именоваться монголами?

На основании географических маркеров, упоминаемых в китайских текстах, считается, что предположительным местом обитания мэнъу (мэнва) шивэй является либо район к югу от среднего течения р. Амур западнее от впадения в него р. Сунгари и восточнее Малого Хингана, либо зона вдоль южного берега нижнего течения р. Аргунь и верхнего течения Амура [2, с. 138-139].

Установлено, что именно в китайском источнике «Цзю Тан шу» («Старая история династии Тан», составлена в 945 г.) впервые упоминается название «монгол» [3, с. 89]. Но глянем в источник (в переводе на русский язык): «Севернее больших гор есть племя больших шивэй. Это племя живет около реки Ванцзянхэ. Истоки этой реки на северо-восточных границах владений тюрков, у озера Цзюйлунь. Отсюда, извиваясь, она течет на восток и протекает через границы западных шивэй, далее она течет снова на восток через границы больших шивэй, еще далее на востоке она протекает к северу от мэнъу шивэй [шивэй-монголов]… Затем она течет еще далее на восток и впадает в море» [4, цз. 219, с. 1671].

Важно отметить, что в исходном тексте «Цзю Тан шу» нет слова «монгол» – его добавляет в квадратных скобках переводчик, который в наше время уже знает, что мэнъу шивей надо называть монголами: прием, широко используемый переводчиками и интерпретаторами в дальнейшем. В итоге сегодня считается, что в «Цзю Тан шу» название «монгол» встречается в форме «мэн» среди шивэй, а в «Синь Тан шу» («Новая история династии Тан», составлена в 1045-60 гг.) – в форме «мэн-ва бу» (племя мэн-ва) [3, с. 89].

В «Мэн-да бэй-лу» Чжао Хуна в переводе с китайского языка на русский язык имеется такой отрывок: «Существовало еще какое-то монгольское государство (мэн го). [Оно] находилось к северо-востоку от чжурчжэней. При Тан его называли племенем мэн-у. Цзинцы называли его мэн-у, также называли мэн-гу. [Эти] люди не варили пищи. [Могли видеть ночью]. [Они] из шкур акулы делали латы, [которые] могли защитить от шальных стрел» [5]. Характерно, что переводчик Н.Ц. Мункуев трактует название «Мэн-да бэй-лу» с китайского языка как «Полное описание монголо-татар». Для него очевидно, что мэн – это монголы. В тексте словосочетание «Мэн го» он переводит не как «государство Мэн», что было бы корректно и научно, а именно как «монгольское государство».

Е Лун-ли в сочинении о киданях (XII в.) пишет о мэнгули-го – «государстве мэнгули». Но современный переводчик смело обращает «мэнгули» в «монгол»: «Государство монгол. У государства нет правителя, которым оно управляется, как нет вспашки земли и посевов. Занимаются охотой. Их местожительство непостоянно. Кочуют в каждое из четырех времен года, единственно гоняясь за водой и травой. Питаются только мясом и кумысом, и все. Не воюют с киданями, а только лишь обменивают с ними быков, баранов, верблюдов, коней, кожаные и шерстяные вещи. От них на юг до Верхней столицы Ляо более 4 тыс. ли (2000 км)» [6, с. 144].

Таких примеров перевода этнонимов с корнем «мэн» как «монгол» много.

Трудно углядеть в формах «мэн», «мэн-ва бу», «мэн-да», «мэн-у», «мэнгули» название «монгол». Однако именно это непрямое соответствие является исходным для всех дальнейших идентификаций российских и зарубежных ученых, возводящих этноним «монгол» (если он вообще в дочингисову эпоху существовал) к тунгусским шивэй, к группе племен «мэн».

Между тем для тюркских народов прояснение вопроса важно в связи с очевидным полновесным присутствием тюркоязычных племен и родов в составе автохтонов монгольской армии Чингисхана, а также тюркским звучанием термина «монгол» (на тюркских языках «мын кол» означает многотысячную армию) [7]. Современная российская историография не утруждается этимологией слова, исчерпывая изыскания принятым давно простым решением: формант «мэн» (мэн-ва, мэнъу, мэн-да, мэн-гу и т.д.) автоматически заменяется словом «монгол».

И на первый взгляд такое решение имеет обоснование. Состоит оно в том, что на китайском языке слово «мэн», действительно, означает в том числе – «монгол». Однако важны два других обстоятельства. Во-первых, в китайском языке нет произношения «монгол». Есть звучание «мэн»,

которым китайцы и обозначают монголов – как древних, времен Чингисхана, так и современных. Но, во-вторых, слово «мэн» на китайском означает не только «монгол».

Начнем с того, что на китайском языке иероглиф «мэн» (meng):

氓

– означает: народ, население; люди; простой народ; простолюдин; бедный люд; переселенцы; поселенцы [8].

Монголы, как времен Чингисхана, так и современные, тоже называются на китайском языке «мэн» (meng), только иероглиф другой:

蒙

Термины «монгольский», «Монголия» на китайском языке звучат как «мэнгу» (méng gǔ):

蒙古

Сегодня Внутренняя Монголия также называется «мэн» (meng):

内蒙

Возможно, со старых времен сохранился иероглиф «мэн» (meng), означающий «союз, не внушающий доверия»:

匮盟

А всех северных варваров (вполне устоявшееся общее название народностей на севере от границ Китая: хунну, шивэй, монголы, тюрки) китайцы с древности называли «хулу» (hú lǔ). Иероглиф:

胡虏

В современных китайских словарях есть еще несколько обозначений понятия «монгол», которые приведены ниже в таблице [9]. Они звучат как méng, měngrén, měngwù, měngwùr, měnggǔrén, měnggǔlǐ, méngwǎ – везде от корня méng, но нет нигде прямого звучания «монгол».

Иероглиф	Транскрипция	Перевод
臊鞑子	sāodázi	*стар.* монгол (*кличка*)
蒙	méng; mēng; měng	**měng** (*сокр. вм.* 蒙古) Монголия; монгольский; монголы 汉蒙 китайцы и монголы 蒙人 монгол
蒙人	mēngrén, měngrén	**měngrén** монгол 不管蒙人还是汉人 будь то монгол или ханец
蒙兀	měngwù	монгол
蒙兀儿	měngwùr	монгол
蒙古人	měnggǔrén	монгол

蒙古里	měnggǔlǐ	монгол; монгольский
蒙瓦	méngwǎ	монгол

Итак, опора на китайские хроники, дающие информацию о древних народах мэн и монголах империи Чингисхана, позволяет сделать следующие выводы. В китайских источниках традиционно древние народы, бытовавшие за северо-восточными окраинами империи в VI-XII вв., называются общим термином «мэн» – народ, переселенцы, поселенцы. Вероятнее всего, позже, в начале XIII в., в момент возникновения политонима «монгол», китайские хронисты и в отношении монголов Чингисхана применили тот же общий термин «мэн». Современными российскими, монгольскими, японскими и др. исследователями факт обозначения монголов Чингисхана – военной и имперской общности, но не отдельного этноса – на китайском языке как «мэн» (произношения «монгол» в китайском языке так и не появилось) был неверно истолкован как однозначная идентификация монголов на китайском языке как «мэн». Простая, но, скорее всего, ошибочная логическая инверсия привела российских и зарубежных исследователей к идеологически удобному выводу о том, что тунгусоязычные народы мэн-шивэй, проживавшие в Маньчжурии в дочингисову эпоху тоже есть не кто иные, как монголы, поскольку в китайских хрониках обозначаются, как и монголы Чингисхана, термином «мэн». Следовательно, решили ученые, тунгусоязычные народы «мэн» и есть предки как монголов Чингисхана, так и самого Потрясателя Вселенной. При этом собственно лексема «монгол» так и не прозвучала на китайском языке. Однако в дальнейшем в переводах китайских хроник на русский язык все народы Маньчжурии, в названиях которых имелся корень «мэн», смело назывались монголами.

Спорное решение приводило и приводит специалистов по древней и современной Монголии к парадоксальным выводам. Самый одиозный из них императивно сформулирован одним из лидеров российского монголоведения Татьяной Дмитриевной Скрынниковой, главным научным сотрудником Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ: «Имя *монгол* было операциональным понятием и отражало политическую реальность. Им моделировались разные общности, проживавшие на двух удаленных друг от друга территориях: одна – в бассейне р. Аргунь, другая – в так называемом Трехречье Онона, Керулена и Толы, где и началось формирование Монгольской империи» [10, с. 29]. Зачем автору этого речения понадобилось переносить обозначение «монгол» на обитателей маньчжурских лесов? Это становится понятным из следующего замечания, уточняющего версию расселения средневековых монголов на двух территориях: «Первая территория расселения – по рекам Аргунь и Амур; проживавшие на ней моголы назывались *usutu mongγol (водные монголы)*. Вторая территория – это Трехречье Онона, Керулена и Толы; оно обозначалось как «Великое Монгольское государство» *(Yeke Mongγol ulus)*» [10, с. 30]. Фраза содержит два утверждения. Одно бесспорное, относительно Великого Монгольского государства. Другое вызывает вопросы. Почему утверждается, что на реках Аргунь и Амур проживали монголы? Мы знаем из китайских хроник, что здесь проживали племена с общим идентификационным маркером на китайском языке «мэн», но на каком основании они именуются монголами? Причина не называется, но она может быть только одна – деструкция понятий: если китайские хронисты обозначали одним термином «мэн» и монголов Чингисхана, и племена тунгусоязычных шивэй, то последние тоже – монголы. Вот такая логика. Малоубедительно.

Ссылка на «водных монголов» также не бесспорна. О них известно из знаменитого сочинения XIII в. Плано Карпини «История Монгалов, именуемых нами татарами», в котором автор упоминает не только о монголах Великой Монголии, но и о народе, называвшемся су-монгал (водяные монгалы): «Есть некая земля среди стран Востока, о которой сказано выше и которая именуется Монгал. Эта земля имеет четыре народа: один называется Йека Монгал[1], то есть великие Монгалы, второй назывался Су-Монгал, то есть водяные Монгалы, сами же себя они

[1] Yeke Mongγol, т.е. Великие Монголы. Так стали именовать себя подданные Чингисхана после объединения им подчиненных племен в Монгольское государство.

именовали Татарами от некоей реки, которая течет чрез их страну и называется Татар; третий народ называется Меркит, четвертый – Мекрит» [11, с. 33]. Термин «Су-Монгал», записанный латинскими буквами, встречается только у Плано Карпини и Гильома Рубрука, которые, несомненно, слышали его в XIII в., иначе не приводили бы о нем сведения. Однако его нет у Рашид-ад-дина, нет в более поздних монгольских (халхаских) источниках. В китайских анналах имеется термин «Су-татар». Плано Карпини писал: «Далее, он [Чингис] начал сражаться с Су-Монгал, или татарами, после того как подчинил себе многих людей и убил их вождя, в продолжительной войне покорил себе всех Татар, привел их себе в рабство и подчинил» [11, с. 33]. По-видимому, в названии «Су-Монгал» слово «су» – не тюркское слово, означающее – «вода». А происходит оно, вероятно, от современного монгольского (халхасского; в древности – от языка народов мэн) слова «sü», что значит «обладающий счастьем – величием», или «августейший» [11, с. 181]. Можно предположить, что название «Су-Монгал» означает: «монголы, принадлежащие августейшему», т.е. монголы, покоренные Чингисханом. Следовательно, Плано Карпини мог слышать о некоем татарском племени Су-Монгал, покоренном Чингисханом и вошедшем в состав Монгольского государства.

Тем не менее с какого-то момента для российских исследователей соответствие «мэн – монгол» перестает быть критическим и воспринимается как абсолютное тождество. Поэтому Т. Скрынникова уверенно интерпретирует историю XII-XIII вв. в модусе идентичности терминов «мэн» и «монгол», называя без пояснений, ссылок или оговорок племена «мэн» монголами, а китайские источники обвиняет в некомпетентности: «Смешения, допускавшиеся ранними китайскими историографами, которые в одном контексте приводили данные о разных монголах (монголах севера и юго-запада), непонимание поздними комментаторами причин, по которым этих монгол объединяли и по которым разные монголы получили одинаковое наименование, встречаются и позднее, уже после образования империи Чингис-хана» [10, с. 38]. На самом деле ранние китайские историографы не могли писать ни о каких «монголах севера», они писали про племена «мэн» среди шивэй. Но современная официальная российская историография без тени колебаний именует маньчжурские племена мэн монголами.

Однако возражения все же звучат. Павел Рыкин, аспирант Европейского университета (Санкт-Петербург) в 2002 г. писал: «Связь всех называемых “монголами” групп друг с другом и с *мэнгу шивэй* устанавливается чисто гипотетически, на основании сообщений о том, что “владение Мэнгули” находится к северу от киданьской Верхней столицы “на расстоянии более четырех тысяч ли”[2], а “государство Мэнгу” расположено “к северо-востоку от чжурчжэней”[3], что приблизительно соответствует предполагаемому региону проживания *мэнгу* и *мэнва*. Но как быть с “монголами” Чингисхана, чьи кочевья на территории нынешней Монголии находились гораздо западнее, чем ареал расселения одноименных им шивэй? Эта проблема волновала уже самих китайских авторов. Тот же Ли Синьчуань, живший в эпоху Чингисхана, и знавший о существовании его державы, недоумевал, какое отношение современные ему “монголы” имеют к тем “монголам”, которые воевали с цзиньцами и доставили им массу неприятностей. Свое недоумение он выразил в следующих словах: “Однако два государства жили на востоке и на западе [соответственно], и обе стороны глядели друг на друга на расстоянии нескольких тысяч ли. Не знаем, по какой причине [их] объединяют и [они] получили единое наименование”» [12, с. 54]. Все здесь верно, кроме того что Ли Синьчуань вел речь не про «монголов», а про «мэн», как именовали китайские хронисты и группу племен «мэн» среди шивэй, и монголов Чингисхана. Но, несмотря на то, что П. Рыкин считает, что племена мэнгу и мэнва (шивэй) «одноименны» с монголами (что неточно, да и сомнительно – *см. выше*), его возражение совершенно правомочно: племена мэнгу и мэнва вряд ли родственны («одноименны») монголам империи Чингисхана. Хотя «северные монголы» в китайских анналах именовались как «мэн», а монголы юго-запада в чингисову эпоху тоже назывались «мэн», этот казус не дает никаких серьезных оснований идентифицировать их родство. Это понимал и Ли Синьчуань, своим недоумением

[2] Е Лун-ли. История государства киданей (Цидань го чжи). – М., 1979. – С. 304 *(прим. П. Рыкина)*.

[3] Кычанов Е.И. Монголы в VI – первой половине XII в. / Дальний Восток и соседние территории в средние века. – Новосибирск, 1980. – С. 144 *(прим. П. Рыкина)*.

удостоверивший, какую сильную сумятицу внесли древние китайские хронисты в умы последующих интерпретаторов, поверивших в то, что «мэн»-шивэй и монголы эпохи Чингисхана – родственные сущности.

Важна следующая мысль: «Кэрэиты, найманы, мэркиты, ойраты, «лесные народы», китайцы и тангуты были реальными сообществами, осознающими себя в качестве таковых; не то с «монголами»… Конечно, в пору юности Чингис-хана указанные группы не могли употреблять термин *mongγol* и противопоставлять себя его носителям просто потому, что ни термина, ни монголов не существовало» [12, с. 68]. Это суждение решительно не принимает Т. Скрынникова: «Точку зрения Рыкина можно назвать оригинальной, но может ли она быть признана верной? Необходимо специальное исследование, в котором нашли бы объяснение идентификационные практики средневековых монголов… Обратимся к ранним упоминаниям имени «монгол» в китайских источниках, значение которых для периода бесписьменной истории кочевников трудно переоценить. Имеющиеся там многочисленные свидетельства могут служить доказательством, что уже в XII в. монголы представляли собой политию, значимую не только в кочевой среде» [10, с. 32]. И вновь фигурируют монголы XII века. А были ли они? В китайских источниках упоминаются только различные племена группы «мэн». Именно их называет монголами Т. Скрынникова – так ею (и не только ею) принято и кажется неоспоримым. Ибо у адептов теории маньчжурского происхождения термина «монгол» есть в запасе версия, призванная подкрепить теорию.

Для согласования разноречивых сведений древних китайских источников о племенах группы «мэн» на территории Маньчжурии в дочингисов период, которые принято в определенной среде считать монголами, и о монголах эпохи Чингисхана, которых китайские хроники тоже именуют как «мэн», Тамура Дзицудзо и Луи Амбис разработали теорию миграции. В соответствии с этой версией, «монголы»-шивэй из мест своего расселения на северо-востоке Маньчжурии стали продвигаться на запад и к середине XI в. заселили степные пространства современной Монголии, якобы обезлюдившие после ухода уйгуров после разгрома их государства кыргызами в 840 г. [13]. Профессор Е.И. Кычанов добавляет к истории драматические штрихи: «Приход собственно монголов в Монголию мог произойти где-то во второй половине X в., даже в начале XI в. Проф. Тамура Дзицудзо обращает внимание на тот факт, что еще в середине X в. во время походов на р. Орхон в район древней уйгурской столицы Карабаласагуна кидании не застают монголов в этом районе. Он приходит к выводу: “Обзор путей миграции монголов показывает, что они начали движение в конце X – начале XI в. с их родных мест обитания в период Тан, вероятно, на равнинах Хайлара и по среднему течению Аргуни. Как показывает легенда о Бодончаре, во второй четверти первой половины XII в. они пересекли озеро Кулунь-Нор и вышли к нижнему и среднему течению реки Онон, где они приняли кочевой образ жизни”… Ученые осторожны в выводах, и это понятно: нет хронологии, указания точных направлений движения монгольских племен. Но важно твердое убеждение в том, что приход в Монголию где-то во второй половине X в. – в начале XI в. – очевидный исторический факт» [2, с. 141].

Поразительное для серьезного ученого суждение. Никаких доказательств миграции тунгусоязычных племен Маньчжурии во второй половине X в. – начале XI в. на территорию современной Монголии нет. Фантазии Тамура Дзицудзо не подкреплены ни одним историческим (летописным) свидетельством. Однако Е.И. Кычанов заявляет, что это «очевидный исторический факт». То же самое – в отношении убеждения, что переселялись именно монгольские племена (если кто-то вообще переселялся – фактов-то переселения нет). Никаких доказательств о том, что это были монголы, нет. На самом деле речь идет о группе племен «мэн» из народа шивэй. И теперь для подкрепления теории перехода якобы «монголов» из северо-западной Маньчжурии на территорию образования Монгольского государства Чингисхана осталось доказать факт самого этого перехода протяженностью не менее 2 тыс. км, найти хоть какое-то свидетельство из китайских хроник. Пока не нашли.

Таким образом, утверждения о переходе в X-XII вв. с территории Маньчжурии на территорию будущего монгольского государства племен «мэн», которые и стали монголами империи, не имеют документальных подтверждений. Более того, племена мэн-шивэй никогда не соотносились в китайских хрониках с произношением слова «монгол», которое появилось только в период формирования государства Чингисхана в начале XIII в.

Поэтому гораздо более правдоподобна иная версия появления термина «монгол», не связанная с теорией наличия древнего этноса «монгол» на территории Маньчжурии и последующего перехода его на места формирования государства Чингисхана. Согласно китайским хроникам, название *да мэнгу го* (государство великих монголов) было принято для обозначения державы Чингисхана в 1211 году, перед походом на Цзинь. Ли Синьчуань писал: «Когда монголы [мэн жэнь] вторглись в государство Цзинь, [они] назвали себя великим монгольским государством [да мэн-гу го]. Поэтому пограничные чиновники прозвали их Монголией [Мэн гу]» [5, с. 123]. Вновь характерный образец перевода с китайского. В источнике на китайском языке монголы называются «мэн жэнь», а государство Монголия – «Мэн гу».

Как бы то ни было, речь идет о подлинных монголах Чингисхана. «В данном случае мы имеем дело с политонимом, – заключает П. Рыкин. – к тому же понимаемым чрезвычайно широко; ни о каком “этническом субстрате”, которому бы он соответствовал, говорить не приходится» [12, с. 56]. И это похоже на истину. Этноса «монгол», вероятнее всего, вообще не существовало. Во времена Монгольской империи политоним «монгол» означал принадлежность к империи Чингисхана. Т.е. монголы Чингисхана – не этнос, а воинство. В таком случае можно вернуться к этимологии слова «монгол», раскрываемой в модусе имперского духа государства Чингисхана.

Ранее эту дихотомию лаконично отразил Л.Н. Гумилев в своем «Словаре этнонимов»: «Монголы – условное название для группы монголоязычных племен. Самое слово “монголы” возникло из политического термина XIII в., означавшего сторонников Чингисхана» [14]. Первая часть форманта выглядит оксюмороном: если есть монголоязычные племена, то должны быть и монголы, но они условны. Однако Гумилев не ошибался: монголы, в прямом смысле, действительно, условное название. Ибо справедлива вторая часть определения: термин «монгол» возник не как этноним, а именно как политический термин.

Уместно уточнить понятие «монгольский язык», если термин «монгол» не был этнонимом. Что понимается сегодня под «старомонгольским языком», «древним монгольским языком», современным монгольским языком?

Неокогнитивный подход был намечен еще Б.Я. Владимирцовым, который в 1929 г. во введении к книге «Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия» писал: «Разбросанные на [большом] пространстве, входя в состав разных политических объединений, ведя то кочевой, то полуоседлый и совсем оседлый образ жизни, монголы говорят на многих наречиях и говорах. Общего же монгольского языка не существует вовсе. Говорить по-монгольски значит говорить на одном из многих монгольских наречий; если можно сказать, что по-монгольски говорит халхас из под Урги (Улан-Батор), то с таким же основанием можно признать, что по-монгольски говорит калмык из под Астрахани, бурят из Прибайкалья, хошут на Тибетских нагорьях. Все монголы по языку говорят на монгольских наречиях, на монгольских говорах, в той или иной степени отличающиеся друг от друга» [15, с. 3]. В разделе «Классификация монгольских наречий и говоров» автор дал полный свод современного ему монгольского языка [15, с. 5-10]. В сущности, это описание не наречий и говоров, а самостоятельных языков крупных этносов. Например, диалекты ойратского языка напрямую связаны с родоплеменным строем ойратов в Монголии, в состав которых входят чоросы, дэрбэты, хошуты, торгуты и др. [16, с. 31]. Самостоятельным языком считается бурятский язык [17]. На доминирующую роль претендует язык халхасцев, однако его природа в настоящее время рисуется только в свете героической истории времен империи Чингисхана, без учета истории маньчжуров и их предков чжурчженей. То есть Б.Я. Владимирцов называет наречиями и говорами, по сути, суверенные языки. «Иногда, проживая на границе распространения двух или нескольких говоров, монгол оказывается до известной степени двуязычным, т.е. говорящим на двух диалектах» [15, с. 4], – писал, словно в оправдание, ученый, несомненно, понимая, что двуязычие – это умение говорить не на двух диалектах, а на двух языках. Важнее другое, ключевое его утверждение: на момент написания книги, в 1929 г., общего монгольского языка не существовало вовсе. Все вместе языки должны были называться монгольским языком. Однако отдельно взятого монгольского языка не было. Положение мало изменилось за последние 80 лет. Собственно «монгольского языка» так и не появилось. Но язык халхасцев – самого многочисленного этноса на территории МНР – сегодня позиционируется в качестве национального языка Монголии, создавая опору

понятию «современный монгольский язык», и это несколько выправляет двусмысленную ситуацию. Хотя в монголоведении по-прежнему в ходу условное понятие, подразумевающее корпус языков всех народов, входящих в состав МНР. Представления о современном монгольском языке существенно модулируются верой в его идентичность древнемонгольскому языку. В связи с этим возникает другой вопрос: а что из себя представлял монгольский язык в древности и в средние века? И на этот вопрос пытался ответить Б.Я. Владимирцов: «Монгольский языковой мир в настоящее время является в виде нескольких наречий, многих говоров, а общего языка не существует вовсе. Но до известной степени таким общим монгольским языком оказывается письменный монгольский язык, распространенный у большинства монгольских племен, сильно отличающийся от всех современных монгольских наречий и говоров. По своему происхождению – это возникший в древности, в эпоху точно не установленную, архаичный и архаизированный древне-литературный письменный язык, немного сблизившийся в течении веков своего существования с живыми монгольскими наречиями. Облик этого письменного языка, несмотря на многие изменения, которым он подвергся, настолько архаичен, что он оказывается представителем более древнего периода развития монгольского языка, чем самые старые монгольские наречия» [15, с. 19]. Загадочные строки об архаичном древнемонгольском языке ученый сопроводил историческим погружением в XII в. По его мнению, общего языка у монголов не было и в ту пору. Он выделил племена кереитов и найманов, которых считал наиболее цивилизованными, имевшими связи с уйгурами, жившими в Притияньшанье, и кара-китаями, обитавшими в Семиречье. Предположил найманское происхождение монгольской письменности, приводя известную легенду: «Чингис-хан после победы своей над найманами познакомился с принципом письма от одного уйгура, служившего канцлером у найманского государя, и ввел письменность у себя для нужд своей державы. Далее эта письменность, которая была введена у монголов Чингисханом и памятники которой от XIII в. сохранились, оказывается несомненно уйгурского происхождения. Самыми же близкими соседями уйгуров из монгольских племен были найманы и кереиты, культурно общавшиеся с уйгурами. Известно также, что керкиты и найманы приняли христианство ранее эпохи Чингис-хана. Чингис-хан, следовательно, мог продолжить и расширить то, что уже начато было найманами» [15, с. 20]. В начале XIII в. монголы действительно стали использовать уйгурскую письменность. В 124-м цзюане «Юань-чао би-ши» излагается биография уйгура Та-та-тун-а, который состоял на службе у Даяна, хана найманов. После разгрома найманов воинами Чингисхана он попал в плен и был взят на службу к монголам. Ему поручили обучать грамоте знать [18]. «Правда, не ясно, выучили ли они уйгурский язык или же писали на своем родном языке уйгурскими буквами» [19, с. 279]. Позже, после 1220 г., когда к монголам перебегало большое число цзиньских чиновников и военачальников, для алфавита монголов стала использоваться китайская иероглифика.

«Мало сказать, что при Чингис-хане начали употреблять для монгольского языка уйгурские буквы, – продолжает Б.Я. Владимирцов. – Чингис-хан ввел для нужд своей державы уже готовый литературный язык, язык достаточно фиксированный, изображавшийся при помощи уйгурских букв. Этот письменный язык уже в ту пору отличался от живого, разговорного языка монголов и был языком традиционным. Отличия этого письменного языка от тогдашних живых монгольских говоров было немногим меньше, чем это можно наблюдать в настоящее время» [15, с. 20]. И вновь ученый напускает таинственности, отмечая, впрочем, что этот древний монгольский язык ни мало не схож с современным монгольским языком: «Этот литературный язык возник на почве какого-то очень древнего монгольского диалекта, диалекта, который выявляет древнюю стадию развития монгольского языка, дальнейшим развитием которой являются прежние и теперешние монгольские живые наречия и говоры. Тем не менее не про одно монгольское наречие, не про один живой говор нельзя сказать, чтобы он непосредственно восходил к письменному монгольскому языку. Если верно предположение о том, что монгольская письменность возникла у найманов, этот рассматриваемый диалект мог быть только древне-найманским наречием» [15, с. 20–21].

Б.Я. Владимирцов так и не назвал древний язык, не проследил генезис, но добросовестно перечислил древние памятники монгольской письменности. В частности, указаны следующие артефакты:

«1. “Чингисов камень” – монг. надпись на камне, найденном на Киркиранском “городке” близ

р. Урулюнгуй в Нерчинском округе, в Забайкалье; относится к середине первой половины XIII в. (издания и исследования I.J. Schmidt'a, Д. Банзарова, И. Клюкина).

2. Печать с монг. текстом на письме (по-персидски) императора Гуюка *(Güyüg)* 1246 г. (издание и исследование проф. P. Pelliot).

3. Грамота Каракского Сайф ад-Дина 1262 г.; факсимиле, в книге O. Houdas'a *"Histoire du sultan Djelal ed-din Mankobirti par Mohammed en-Nesawi"*, Paris 1895, Publications de l'Ecole des langues orientales vivantes, III s., v. 10.

4. Письмо иль-хана Аргуна к французскому королю Филиппу Красивому 1289 г. (издания и исследования A. Remusat, I.J. Schmidt'a, В.Л. Котовича).

5. Письмо иль-хана Аргуна 1290 г.; еще не издано, см. Paul Pelliot, *Les Mongols et la Papaute, Introductions.*

6. Охранный лист, выданный иль-ханом Аргуном 1291 г.; еще не издан, см. Paul Pelliot, *ibid.*» [17, с. 34].

Как известно, «Чингисов камень» – эпиграфический памятник, гранитная стела с надписью «старомонгольским» письмом, обнаруженная в Забайкалье в начале XIX в. Датируется 1224-25 гг. – временем, когда Чингисхан вернулся из похода в Среднюю Азию. То есть Чингисов камень – древнейший из сохранившихся памятников так называемой старомонгольской письменности. Надпись посвящена Есунке (Есунгу), сыну Джочи-Хасара, племяннику Чингис-хана. Считается, что старомонгольское письмо на Чингисовом камне наиболее близко к бурятскому языку, хотя присутствуют и тюркские звучания слов. Надпись на Чингисовом камне может быть транслитерирована следующим образом: «Činggis qan-i sartaGul irgen daquliju baGuju xamuG monGol ulus un arad i Buqa Sočiqai xurigsan tur Esunke QonGodorun Gurban jaGud Gucin tabun alda tur ontudlu Ga» («Чинггис кан-и сартаГул ирген дакулиджу баГуджу хамуг Монгол улус ун арад и Буга Сочигай хуригсан тур Есунке КонГодорун Гурбан жаГуд Гучин табун алда тур онтудлу Га»). В 1851 г. бурятский ученый-монголовед Д. Банзаров сделал перевод: «Когда Чингис-хан, после нашествия на народ сартагул (хивинцев), возвратился, и люди всех монгольских поколений собрались в Буга-Сучигае, то Исунке получил в удел триста тридцать пять воинов хондогорских» [20].

А вот надпись на печати Гуюк-хана – это, несомненно, памятник древнетюркской письменности. В 1245-47 гг. влиятельный францисканец Плано Карпини по заданию Папы Иннокентия IV совершил поездку в Монголию и передал послание Папы Великому хану. В ответ Гуюк-хан вручил свое письмо Папе. Грамота Гуюк-хана и печать были обнаружены в 1920 г. в архиве Ватикана. Позже текст с переводом и комментариями опубликовал французский исследователь П. Пеллио [21]. Текст печати состоит из шести строк, вырезанных монгольским шрифтом, и в транскрипции, примененной П. Пеллио, читается как тюркский: «Mongka t(ä)ngri – yin kücün – dür yeke mongγol ulus – un dalai – inχan j (a)rl (i)χ il bolγa irgün – dür kürbäsü büsirätügüi ayutuγai». Перевод: «Силою вечного неба народа великих Монголов Далай-хана приказ. Если он прибудет к покорившемуся народу, то пусть они почитают его и пусть они боятся» [11, с. 194]. Само послание Гуюк-хана написано на бумаге, состоящей из двух склеенных кусков. Размер документа – 112 на 20 см. В конце грамоты и в месте склейки листов имеются красные оттиски печати. Язык послания считался персидским, причем, по замечанию В.В. Бартольда, «грамота... написана настолько безграмотно, что персидский язык не мог быть родным языком составлявших ее» [22]. Он же обратил внимание на то, что имя Гуюк-хана в грамоте не упоминается, а послание написано от имени «хана великого улуса и вселенной». Причем заглавие грамоты написано по-тюркски, а в тексте грамоты встречаются тюркские слова и выражения. По мнению Бартольда, составителями грамоты были среднеазиатские купцы тюркского происхождения, старавшиеся писать по-персидски, как на принятом в их стране литературном языке [22].

Считается, что упомянутые в списке Б.Я. Владимирцова письма ильхана Аргуна (1250-91) европейским правителям были написаны на тюркском языке уйгурскими буквами. Однако выполненный нами анализ языка, на котором писались письма ильхана, показывает близость его к языкам тунгусской языковой группы, при этом встречаются тюркизмы. Язык писем нельзя назвать полностью тюркским, но тюркское влияние сильное. Письма снабжены печатью с китайскими иероглифами. В 1289 г. генуэзец Бускарелло де Гизольфи доставил от ильхана Аргуна Папе,

французскому и английскому королям письма, в которых Аргун сообщал о готовности начать поход против мамлюков зимой 1290 г., а весной 1291 г. стать лагерем под Дамаском. Аргун обещал приготовить для европейского войска 20-30 тыс. коней, а также продовольствие и фураж. В середине 1290 г. Чаган, Бускарелло и Сабадин отправились на Запад с последним письмом ильхана (от 14 мая 1290 г.) европейским государям. Но после смерти Аргуна крестовый поход так и не был организован.

Резюмируя обзор древних памятников монгольского письменного языка XIII века, перечисленных Б.Я. Владимирцовым, можно заключить, что письма и посвящения монгольских вождей писались чаще на тюркском языке того времени, но также и на древних диалектах тех языков, которые спустя века составили в том числе основу языков некоторых народов современной Монголии, поскольку, например, некоторые древние тексты (Чингисов камень) достоверно прочитываются представителями тунгусской группы языков. Однако тексты содержат очевидные тюркские слова и фразы, понятные современным носителям тюркских языков и тем более понятные жителям империи Чингисхана. Соответственно, можно вынести следующее заключение.

В Монгольскую империю входили многие этносы, и языками империи были несколько основных языков народов, составлявших основу вооруженных сил. Поэтому не удивительно, что монгольская армия была многоязычна. Выделить из полифонии какой-то один древний язык было трудно не только исследователям XX века, но и жителям покоренных монголами стран, например, Древней Руси, дививших ся натиску языковой стихии. И таинственная древнемонгольская письменность, разобраться с генезисом которой непросто современным исследователям, – это чаще всего древнетюркская письменность, но в некоторых случаях письменность народов тунгусской языковой группы. Однако государственным языком Монгольской империи, судя по языку текста печати Гуюк-хана, был тюркский язык того времени, понятный большинству жителей империи. Конечно, народы, языки которых именуются в наше время монгольскими, имели предков в эпоху Чингисхана, но и тогда термин «монгол» не был этнонимом. Условность современного названия «монгол» понимали многие ученые. Энциклопедия «Всемирная история» дает такую информацию: «Имя “монголы” до начала XIII в. еще не было известно, и происхождение его до сих пор не вполне выяснено. Официально это имя было принято только после создания объединенного Монгольского государства при Чингис-хане (1206–1227), когда понадобилось дать всем монгольским племенам, складывавшимся в единую народность, общее название. Оно было усвоено не сразу и самими монголами. До 50-х годов XIII в. персидские, арабские, армянские, грузинские и русские авторы именовали всех монголов по-старому – татарами» [23]. Энциклопедическое пояснение соответствует приведенному выше определению Л.Н. Гумилева: «Слово “монголы” возникло из политического термина XIII в., означавшего сторонников Чингисхана». В таком случае «монгол», вероятнее всего, – слово тюркского происхождения. На всех тюркских языках «мын кол» означает многотысячную армию. Стало быть, Монгольская империя Чингисхана – Yeke Mongγol ulus (в транскрипции П. Пеллио с печати Гуюк-хана), Улус Великих Монголов, – это не союз тюркских племен, как существовавшие до нее тюркские каганаты, а держава разноязычных племен, в том числе тюркоязычных. Были в составе империи тунгусоязычные (маньчжуроязычные) племена. Тысячи отрядов составляли империю. И слово «монгол» означало тогда принадлежность к империи, равноправное в ней членство. Быть монголом в Монгольской империи было так же почетно, как быть римлянином в Римской империи. По сути, монголы – это имперское воинство. Римского языка не существовало, были разные языки народов Римской империи. Точно так же в Монгольской империи не было собственно монгольского языка, а были разные языки, государственным был тюркский язык в виде близких диалектов.

Повторим, как такового, монгольского языка не было. Термин «монгольский язык» вошел в употребление только после крушения Монгольской империи. Монгольскими стали условно называть языки, бытовавшие прежде в империи. Стали называть монголами предков Чингисхана, и его тоже монголом. И точно так же с гордостью именовали себя монголами племена и народы, входившие прежде в империю, в их числе тюркские племена, составившие в середине XVI в. Казахское ханство. Это отмечал еще Рашид-ад-Дин: «Многие роды поставляли величие и

достоинство в том, что относили себя к татарам и стали известны под их именем, подобно тому как найманы, джалаиры, онгуты, кераиты и другие племена, которые имели каждое свое определенное имя, называли себя монголами из желания перенести на себя славу последних; потомки же этих родов возомнили себя издревле носящими это имя, чего в действительности не было» [24]. Не всем народам Монгольской империи удалось сродниться с имперским термином «монгол», но если кому-то это удалось, никто не может лишить их права называться монголами, а страну именовать Монголией.

ЛИТЕРАТУРА

[1] Кычанов Е.И. История приграничных с Китаем древних и средневековых государств (от гуннов до маньчжуров) / 2-е изд. – СПб: Петербургское лингвистическое общество, 2010. – 364 с.
[2] Кычанов Е.И. Монголы в VI – первой половине XII в. / Дальний Восток и соседние территории в средние века. – Новосибирск, 1980.
[3] История Монгольской Народной Республики / Изд. 3-е. – М., 1983.
[4] Цзю Тан шу // Сы бу бэй яо: малый формат. – Шанхай, 1936.
[5] Мэн-да бэй-лу (Полное описание монголо-татар) / Пер. с китайского Н.Ц. Мункуева. – М., 1975. – С. 51.
[6] Цит. по: Кычанов Е.И. Монголы в VI – первой половине XII в. / Дальний Восток и соседние территории в средние века. – Новосибирск, 1980. – С. 145.
[7] Сыдыков Е.Б. Лев Гумилев и тюркское возрождение. – Астана: Фолиант, 2012. – 320 с.
[8] Поиск по китайско-русскому словарю. – [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://www.chinese-russian.com/zd/search/?query=монголы.
[9] Большой китайско-русский словарь. – [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://bkrs.info/slovo.php?ch=МОНГОЛ.
[10] Скрынникова Т.Д. Две Монголии: особенность средневековых идентификационных практик // Вестник Евразии. – 2005. – №2(28). – С. 29-65.
[11] Плано Карпини Дж. История Монгалов, именуемых нами татарами / В кн.: Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Гильома Рубрука. – Алматы: Ғылым, 1993. – 248 с.
[12] Рыкин П. Создание монгольской идентичности: термин «монгол» в эпоху Чингис-хана // Вестник Европы. – 2002. – №1(16). – С. 48-85.
[13] Tamura Jitsuzô. The Legend of the Origin of the Mongols and Problem concerning Their Migration // Acta Asiatica. – 1973. – Vol. 24. – P. 7-9; Hambis L. L'Histoire des Mongols avant Gengis-Khan d'après les sources chinoises et mongoles, et la documentation conserve par Rašidu-d-'Dĭn // Central Asiatic Journal. – 1970. – Vol. 14. – №1/3. – P. 128-129.
[14] Гумилев Л.Н. Словарь этнонимов / В кн.: История народа хунну. – М.: Эксмо, 2008. – С. 258.
[15] Владимирцов Б.Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. – Ленинград: Издание Ленинградского Восточного института, 1929. – 436 с.
[16] Санчиров В.П. О Происхождении этнонима торгут и народа, носившего это название / Монголо-бурятские этнонимы. – Улан-Удэ: Издательство Бурятского научного центра СО РАН, 1996. – С. 31–50.
[17] История развития бурятского языка. – Улан-Удэ: Издательство Бурятского научного центра СО РАН, 2006. – 136 с.
[18] Мункуев Н.Ц. Комментарии / Мэн-да бэй-лу (полное описание монголо-татар). – М., 1975. – С. 125–128.
[19] Крадин Н.Н. Кочевники Евразии. – Алматы: Дайк-Пресс, 2007. – 279 с.
[20] Банзаров Д. Объяснение монгольской надписи на памятнике князя Исунке, племянника Чингис-хана // Записки Русского археологического общества. – 1851. – Т. 3.
[21] Pelliot P. Les Mongols et la Papaute / Documents nouveaux edites, traduits et commentes // Revue d'Orient Chretien. – 1922-1923. – Ser.3. – V. III (XXIII). – №l-2. – P. 3–30.
[22] Бартольд. В.В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии / Сочинения. – М., 1968. – Т. IV. – С. 158.
[23] Монголия / Всемирная история. Энциклопедия. – М.: Издательство социально-экономической литературы, 1958. – Т. 3.
[24] Рашид ад-Дин. Джами ат-Таварих / Сборник летописей. – М.-Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1946. – Т. 1. – Кн. 1. – С. 102.

REFERENCES

[1] Kychanov E.I. The history of the border with China, ancient and medieval states (from the Huns to the Manchus / SPb: Peterburgskoe lingvisticheskoe obshhestvo, 2010. – 364 p. *(in Russ.)*
[2] 2. Kychanov E.I. The Mongols in VI - the first half of the XII century. Far East and neighboring territories in the Middle Ages. – Novosibirsk, 1980 *(in Russ.)*.
[3] History of the Mongolian People's Republic. – M., 1983 *(in Russ.)*.
[4] Czju Tan shu // Sy bu bjej jao: small format. – Shanhaj, 1936 *(in Russ.)*.
[5] Mjen-da bjej-lu (Full description of the Mongol-Tatar). Transl. by N.C. Munkueva. – M., 1975. – p. 51 *(in Russ.)*.
[6] On: Kychanov E.I. The Mongols in VI - the first half of the XII century. Far East and neighboring territories in the

Middle Ages. – Novosibirsk, 1980. – p. 145 *(in Russ.)*.
[7] Sydykov E.B. Lev Gumilyov and Turkic revival. – Astana: Foliant, 2012. – 320 p. *(in Russ.)*
[8] Search Chinese-Russian dictionary. – [Internet resource] / http://www.chinese-russian.com/zd/search/?query=mongoly *(in Russ.)*.
[9] Great Sino-Russian dictionary. – [Internet resource] / http://bkrs.info/slovo.php?ch=MONGOL *(in Russ.)*.
[10] Skrynnikova T.D. Two Mongolia: identification feature of medieval practices. Herald of Eurasia. – 2005. – №2(28). – p. 29-65 *(in Russ.)*.
[11] Plano Karpini Dzh. Istorija History of Mongals, called by us as Tatars. In.: Travel to the East Plano Carpini and Guillaume Rubruk. – Almaty: Gylym, 1993. – 248 p. *(in Russ.)*
[12] Rykin P. Creating a Mongolian identity: the term "Mongol" in the era of Genghis Khan. Herald of Europe. – 2002. – №1(16). – p. 48-85 *(in Russ.)*.
[13] Tamura Jitsuzô. The Legend of the Origin of the Mongols and Problem concerning Their Migration // Acta Asiatica. – 1973. – Vol. 24. – P. 7-9; Hambis L. L'Histoire des Mongols avant Gengis-Khan d'après les sources chinoises et mongoles, et la documentation conserve par Rašidu-d-'Dĭn // Central Asiatic Journal. – 1970. – Vol. 14. – №1/3. – P. 128-129.
[14] Gumilev L.N. Dictionary of ethnonyms. In: History of the Xiongnu. – M.: Jeksmo, 2008. – p. 258 *(in Russ.)*.
[15] Vladimircov B.Ja. Comparative Grammar of the Mongolian written language and Khalkha dialect. – Leningrad: Izdanie Leningradskogo Vostochnogo instituta, 1929. – 436 p. *(in Russ.)*
[16] Sanchirov V.P. On the origin of the ethnonym Torguts and the people, who bore the name. Mongolian-Buryat ethnonyms. – Ulan-Udje: Izdatel'stvo Burjatskogo nauchnogo centra SO RAN, 1996. – p. 31–50 *(in Russ.)*.
[17] History of the Buryat language. – Ulan-Udje: Izdatel'stvo Burjatskogo nauchnogo centra SO RAN, 2006. – 136 s. *(in Russ.)*
[18] Munkuev N.C. Comments / Mjen-da bjej-lu (Full description of the Mongol-Tatar). – M., 1975. – p. 125–128 *(in Russ.)*.
[19] Kradin N.N. Nomads of Eurasia. – Almaty: Dajk-Press, 2007. – 279 p. *(in Russ.)*
[20] Banzarov D. Explanation Mongolian inscription on the monument Isunke prince, nephew of Genghis Khan. Notes of Russian Archeological Society. – 1851. – V. 3 *(in Russ.)*.
[21] Pelliot P. Les Mongols et la Papaute / Documents nouveaux edites, traduits et commentes // Revue d'Orient Chretien. – 1922-1923. – Ser.3. – V. III (XXIII). – №l-2. – P. 3–30.
[22] Bartol'd. V.V. Twelve lectures on the history of the Turkish peoples of Central Asia. Works. – M., 1968. – V. IV. – p. 158 *(in Russ.)*.
[23] Mongolia / World History. encyclopedia. – M.: Izdatel'stvo social'no-jekonomicheskoj literatury, 1958. – V. 3 *(in Russ.)*.
[24] Rashid ad-Din. Jami al-Tawarikh. Collection of Histories. – M.-L.: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1946. – V. 1. – B. 1. – p. 102 *(in Russ.)*.

«МОНҒОЛ» АТАУ СӨЗ ГЕНЕЗИСІ МӘСЕЛЕСІ

Е.Б. Сыдықов[1], Е.А. Құрманбаев[2]

[1] Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана қ.
[2] Қазақ инновациялық гуманитарлық-заң университеті, Семей қ.

Тірек сөздер: мэн, Маньчжурия, моңғол, политоним, Шыңғысхан, Моңғол империясы, түрк тілі.

Аңдатпа. Заманауи моңғолтану дәстүрі Маньчжурияның солтүстік батыс аудандарында шыңғысхандық дәуірге дейін «моңғол» тайпасы болды деген нұсқаны көбірек ұстанады. Бірақ X-XII ғасырларда Маньчжурияның аумағынан Шыңғысхан мемлекеті құрылған аумаққа кейіннен империяның моңғолдарына айналған шивэй халқынан «мэн» тайпасының гипотетикалық орын ауыстыруы туралы пайымдаулар құжат жүзінде расталмаған. Сондай-ақ, мэн-шивэй тайпалары қытай шежірелерінде «моңғол» деген лексемамен қатар тұрмаған, бұл тек XIII ғасырдың басында Шыңғысхан мемлекеті құрылған кезеңде ғана пайда болды. Осы мақалада бұрын «моңғол» этносының болғанын теріске шығаратын және «моңғол» терминінің Шыңғысхан империясына тәуелділігін білдіретін политониммен байланыстыратын нұсқа қарастырылады. Сәйкесінше Шыңғысханның моңғолдары-этнос емес, әскер мағынасына жақын, ал «моңғол» сөзінің шығу төркіні көп мыңдық әскерді білдіре отырып, Шыңғысхан мемлекетінің империялық рухының модусында ашылады.

Сведения об авторах:

1. Сыдыков Ерлан Батташевич, доктор исторических наук, профессор, ректор Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева, г. Астана.
Адрес: 010000, г. Астана, ул. Мунайтпасова, 5. Телефон: +77172353900; e-mail: rector@enu.kz.

2. Курманбаев Ербол Асылханович, кандидат физико-математических наук, директор научного центра Казахского гуманитарно-юридического инновационного университета, г. Семей.
Телефон: +77017528768; e-mail: erbol_k@bk.ru.

Поступила 19.07.2015 г.

PUBLICATION ETHICS AND PUBLICATION MALPRACTICE IN THE JOURNALS OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

For information on Ethics in publishing and Ethical guidelines for journal publication see http://www.elsevier.com/publishingethics and http://www.elsevier.com/journal-authors/ethics.

Submission of an article to the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan implies that the work described has not been published previously (except in the form of an abstract or as part of a published lecture or academic thesis or as an electronic preprint, see http://www.elsevier.com/postingpolicy), that it is not under consideration for publication elsewhere, that its publication is approved by all authors and tacitly or explicitly by the responsible authorities where the work was carried out, and that, if accepted, it will not be published elsewhere in the same form, in English or in any other language, including electronically without the written consent of the copyright-holder. In particular, translations into English of papers already published in another language are not accepted.

No other forms of scientific misconduct are allowed, such as plagiarism, falsification, fraudulent data, incorrect interpretation of other works, incorrect citations, etc. The National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan follows the Code of Conduct of the Committee on Publication Ethics (COPE), and follows the COPE Flowcharts for Resolving Cases of Suspected Misconduct (http://publicationethics.org/files/u2/New_Code.pdf). To verify originality, your article may be checked by the originality detection service Cross Check http://www.elsevier.com/editors/plagdetect.

The authors are obliged to participate in peer review process and be ready to provide corrections, clarifications, retractions and apologies when needed. All authors of a paper should have significantly contributed to the research.

The reviewers should provide objective judgments and should point out relevant published works which are not yet cited. Reviewed articles should be treated confidentially. The reviewers will be chosen in such a way that there is no conflict of interests with respect to the research, the authors and/or the research funders.

The editors have complete responsibility and authority to reject or accept a paper, and they will only accept a paper when reasonably certain. They will preserve anonymity of reviewers and promote publication of corrections, clarifications, retractions and apologies when needed. The acceptance of a paper automatically implies the copyright transfer to the National Academy of sciences of the Republic of Kazakhstan.

The Editorial Board of the National Academy of sciences of the Republic of Kazakhstan will monitor and safeguard publishing ethics.

Правила оформления статьи для публикации в журнале смотреть на сайте:

www:nauka-nanrk.kz

http://www.reports-science.kz/index.php/ru/

Редакторы *М. С. Ахметова, Д. С. Аленов*
Верстка на компьютере *С.К. Досаевой*

Подписано в печать 11.08.2015.
Формат 60x881/8. Бумага офсетная. Печать – ризограф.
15,7 п.л. Тираж 2000. Заказ 4.

Национальная академия наук РК
050010, Алматы, ул. Шевченко, 28, т. 272-13-18, 272-13-19